

ОЧЕРК

МАГНИТНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

реулками. Зарево сказочного града, как северное сияние, всполохами горит за краем небесного свода. Петька тихо, как нечаянно, уронил: «Могли б нас направить».

А откуда они работали на вспашке залежи под зябь. Миша — погоничем двух пар лошадей с быка-

транспарант с призывом Орджоникидзе: «В Союзе 33 мартовских печи, дающих от 5,5 до 8,5 тонн съема с метра площади пода. Для точной выплавки в 60 тыс. тонн достаточен съем в 5,5. Надо достигнутое передовиками распространить на все печи».

Весь город, даже земляночный поселок, что за горой, откуда прямоком к Ежовке можно было выбраться только по настильной лестнице, — весь город подчинялся властному звучанию заводского гудка и жил заботами металлургов. В яростном порыве соревновательного труда на субботниках сметку и расторопность комсомольца Корнева подметил влиятельный начальник и позвал в свое ведомство. Так Михаил Семенович был назначен в складское хозяйство, обеспечивающее строительство третьего мартовского цеха. Люди того времени отличались бережным отношением к заводской собственности. Для них немислимы были халатность и воровство.

Завораживали разговоры, окрашенные рабочей гордостью:

— Магнитка — не Верхнеисетск времен Грм-Гржимайло.

— Коробов борется за регламентированный график. Нужна стандартная шихта, она обеспечивает ритмичную работу...

Говорили о Макаре Мазеа. Он добился рекордного съема — 12 тонн стали с квадрата. Сидел Корнев в столовой с незнакомыми инженерами и внимательно слушал сотрапезников: противополож-

врезался в толпу беженцев, в упор расстреливая женщин и детей. Офицер-молочник возвышался над башней, деловито руководил экипажем. «Залповый огонь по фашисту!» — скомандовал Корнев. Бойцы прицельно сняли палача. Он завалился с предсмертным стоном: «О, мутер! мутер!..» Танк, отстреливаясь, уползал задним ходом. То была первая стычка.

В наши цели не входит описание войны как таковой. Исследуя связь человека с Магниткой, об этом говорю по необходимости. Слова из строки не выбросить. Война раскидала воин нашего землячества. Корнев был дважды ранен и контужен, и всякий раз спасительным словом «надежда-Магнитка» крепился дух солдата. Служил затем в 70-й гвардейской дивизии. Были Днестр, Карпаты, Злата Прага. В составе 207 с. п. примчались в столицу Чехословакии на автомашинах...

Был и такой фронтовой эпизод. В начале декабря 42-го лейтенант Корнев беседовал с бойцами штрафной роты. Завтра им предстояло идти в бой с сознанием неотвратимой гибели. Как ободрить их? Помогло славное слово «Магнитка», возмевшее магическую силу. Ее материальное воплощение явилось в образе танка «ИС» (Иосиф Сталин). Машина громоздкая, видоизменение «КВ» (Клим Ворошилов), без маневренности, присущей «Т-34». «Иосифу» было иное предназначение — разрушать укрепления. Штрафники окружили машину. Командир «ИС» любовно поглаживает башню, расхваливает броню: «Магнитогорская!» «А я — магнитогорец, — отозвался Корнев, — с ММК, третий мартен». Обменялись рукопожатием под всплеск аплодисментов и возгласы бойцов. Представление танка обратилось в восславление Магнитки. Далее лейтенант сказал,

чувствуя внимание роты, о том, что газета «Правда» напечатала важную информацию: на ММК вступила в строй пятая доменная печь. А это значит — будут новые танки. Это сообщение увязывалось с вестью об успешном наступлении наших войск под Сталинградом. «Будет у нас и шестая домна, построенная в рекордный срок!» — с убеждением прозорливца заявил он подопечной роте. Многого он не знал тогда. Например, о прокате броневых листов на блюминге. Однако умел интересно рассказать о мартене, о выплавке стали. И добавил: «Я поведу роту! И танк с нами!»

Заключение

На Мамаевом кургане шел тропой к Родине-матери, приглядываясь к взметнувшемуся мечу, сходному с магнитогорским. Вдруг нечто тихое коснулось гулко бывшего сердца. Огляделся. У тропы — плита с именем Героя Советского Союза генерал-майора С. Ф. Гурьева. «Вот где привелось... отец родной, Степан Филиппович», — прошептал с перехватным дыханием и беззвучно заплакал...

С боевым побратимом — капитаном Павлом Ширшовым — много ездили по стране. В несуетных очередях узнавали магнитогорцев и по доброму оказывали содействие. В штатских пиджаках без регалий, с памятными значками юбилея ММК на лацканах.

Герой очерка — простой человек. Необычные обстоятельства, в которых он отверстал долговую жизнь. Тем он и интересен. Вернулся славный. Куда идти? На комбинат? На старое место? Это с уровнем-то знаний и умений фаззайца первой половины 30-х годов? Наиболее живые и деятельные годы прошли в отрыве от ММК. Бывшие сотрудники выросли в заслуженных специалистах. А отец поезд, как говорится, ушел.

Комбинат не тот. Гигант. Флагман. Новая техника, новые технологии. Идет напряженная работа по снижению себестоимости продукции. Работая в равных условиях с другими заводами, металлурги Магнитки уверенно идут вперед. В чем же дело? Ответ один: люди! Магнитогорский характер. В преданности делу жаркий рабочий пот, пропитавший робу солью, равен крови на солдатской шинели.

Примерно так рассуждал Семенчик. В его воображении вставал некий гипотетически образцовый рабочий. Не о себе он говорил, испытывая ответственность человека, вновь входящего в большую коллекцию комбината. Он оформлялся слесарем в сортопрокатный цех. Учился в учебно-курсовом комбинате. Стал работать оператором, шутил — «императором», и всегда носил в себе холодок сердечного опасения: сумеет ли реализоваться относительно ММК?

Одушевляя предмет, сердечное итожит: «Кто герой? Комбинат — герой. Магнитогорск — герой труда».

Иван ЕФАНОВ, ветеран ММК.

Магнитка и партбилет

Мой собеседник Михаил Семенович Корнев, мудрый ветеран, первостроитель города, углубился в себя. Ему без малого девяносто. Знал труд, тяжелый, изнуряющий, но радостный. Десятилетия отдано армии, да еще Отчужденная война с первого до последнего дня.

Живет Михаил Семенович в обычном доме, где всяк знает его и относится с превеликим уважением. Дети и внуки — все металлурги — заботливо навещают родоначальника династии. Он сохранил запас легкости, что позволяет вести активный образ жизни. Идет, скажем, Семенчик за молоком, непременно завяжет разговор с совхозным шофером о сельском житье: виды на урожай, удои на ферме, рост цен, прибыльность хозяйствования. Любит засиживаться в читальном зале библиотеки ММК. Свой человек в музее строителей. Его стараниями вписаны на мемориальную доску имена павших на фронте магнитогорцев. Летом Корнев ездит на малую родину, ведет изыскания по теме «Миграция». Дело увлекательное. Вечерами свободное время занимает телефон. Сегодня, к примеру, звонок землячке Марине Александровне: ее сыну Климову Павлу Петровичу присвоено звание «Заслуженного металлурга». Добрый парень! Завидно!

Интересна самооценка Семенчика: «Что я? Отшельник!..» Скромно, да людям, знающим его, в свой черед обидно, по-доброму смешно и грустно. «Пуля-дура — это по-суворовски, — раздумчиво говорит он, — Магнитка — Рур — сопоставление Добра и Зла».

Осенью 41-го под Москвой младший политрук Корнев получил опасное ранение. Пуля излетом пробив партбилет, застряла в межреберье. Начальник курсов Академии Генерального штаба вел набор курсантов из числа командиров, имеющих боевой опыт. «Все хорошо, парень, — и Магнитка, и партбилет, — сказал седой генерал, — да образование не академическое». И крепко пожал руку, благословляя на ратное дело.

«Едет красный командир...»

Время летело. Миша учился в ШКМ — школе крестьянской молодежи. Сироту опекал дядя, предсовет, человек требовательный. Любил новые словосочетания — «Урало-Кузнецкий гигант».

Манящие огни Магнитостроя виделись далеко в степи. Ехали из Кизила «шакаэццы» вечером, так и ахнули, зарожженные заревом. Густая темень отступила, стоило перевалить возвышение. Хорошо тут было, в самом деле, залюбуешься! С гребня казачьей горы Казенщины просматривалась вершина славной рудной горы. Была с ними Поля Анисимова, работница детсада, молоденькая певунья. Вчера еще под рукоплескания исполняла: «Едет красный командир с красными флагами, с острыми штыками». Живой радостью осели в памяти и зарево стройки, и девушка — теневым очертанием на его фоне...

Не тогда ли вспыхнуло желание стать металлургом, экскаваторщиком, электриком?

Года не прошло, Поля работала в артели земляночком на стройке. А «беспартийные большевики» — Миша и его дружок Петька Щербинин — сидели без права совещательного голоса на комсомольском собрании. Комсорг читал разнарядку райкома: кого послать на Магнитострой. Озорник Петька, пугая товарища, шепчет: «Щ-щас тебя выдвину». Дурашливо вскакивает: «Предлагаю... как его? Егорку Карачкова». Возмущенные голоса: «Вышвырнуть озорника! Важная политическая кампания! А, собственно, чем плох Карачков? Достойный парень».

Егор степенно отзывается: «Я согласный». Идут с собрания унылые ребята темными пе-

«Осенью 41-го под Москвой младший политрук Корнев получил опасное ранение. Пуля излетом пробив партбилет, застряла в межреберье. Начальник курсов Академии Генерального штаба вел набор курсантов из числа командиров, имеющих боевой опыт. «Все хорошо, парень, — и Магнитка, и партбилет, — сказал седой генерал, — да образование не академическое». И крепко пожал руку, благословляя на ратное дело».

ми. Пflugator — дядя, младший брат матери, чуть старше погоньча, а такой высокомерный: не дает плуг за поручни подержать. Шагlisto ступает в пахучей борозде и весь светлый день орет: «Давай, погоняй!». Сигнальные фонари на Маячной горе возвещают час отбоя и подъема. Председатель грозит не красное — рогожное знамя вручить, в таком прорыве колхоз.

Приехал на загон бригадир Миша Тупикин и прямоком к Миньке Корневу: «Ударник учебы, отношение из РОНО. Срочно в педтехникум!» Из бригадного котла вкусно пахло кашей первого съема урожая. Уехал, не отве-

дав. Недоумевал: почему техникум? Пед? На стройку надо! Все-таки превалировала радость: Урало-Кузнецкий гигант!

Город

Базар велик и разнолик. Причудлив национально и социально. «Горох в решете», — выразился Петр Пензин, из раскулаченных, купеческого звания, мать содержала лавочку. Корновозчик, работает в котловане под домну. Рядом что интересно, люди в казенных «куфайках» — итаковцы. А соль стройки — другие: пришли не ради пайка харчевого. Появился у Михаила отчим, из уполномоченных горкома партии. Воспитатель преемственный, равный дяде-председателю. Е. Л. Герасимова в городе многие знали и звали по присловию, как по имени, — «Едят тебя мухи с комарами». Егор Леонтьевич был весьма примечательной личностью. Богатырь, высокий, статный, широкогрудый, румянолицый, с пушистыми усами и низким рокочущим голосом-октавой. Подавая широкую длань, запросто здоровался с первым секретарем горкома, о котором богоподобный генсек гневно изрек во множественном числе: «Политические уроды типа Ломинадзе» (Краткий курс истории ВКП/б, 1938 г.). Егор выгладел простецки незадачливым мужиком, но обладал смелым характером, коль откровенно показывал доброе отношение к опальному партийцу. Каширинец, участник боев на Извозе и похода с Блюхером до Кунгура. Волгарь, бурлак и грузчик. Ходил в ляжке, ватагой таская баржи. В Саратове по шатким настилам сходней таскал в заспанных седельках двенадцатипудовые тюки. В подсобном хозяйстве ММК, обустроив мельницу, уполномоченный горкома Едят — тебя — мухи — с — комарами понес мельничный камень на постав. Но что-то в нем «хряснуло»...

Не любил Михаил педтехникум — не производство ведь. Одобренный отчимом, ушел в ФЗУ — училище заводского обучения им. маршала Ворошилова, луганского слесаря. Корнев тоже стал слесарем. В золотниковой бригаде Селютин ремонтировал заводские паровозы. Скажем попутно: фаззайцы не только учились, но и строили школу. Красное кирпичное здание, добротное сработанное при их активном участии, стоит поныне на пр. Пушкина, скромно заслонившись швейной фабрикой. Ниже ФЗУ раскинулся прекрасный горсад, где на аллее парадного входа утвердилось белокаменное изваяние наркома Серго. Тут же — кумачовый

нами были их подходы к расходу топлива на тонну стали. Одни, как правило матери, отстаивали соблазнительный прием высокого теплового режима, предельно увеличиваемого. Другие, молодежь, не соглашались. Надо добиваться наибольшей величины полезного действия за счет увеличения площади восприятия тепла. «Попробуйте, — горячо доказывал настырный очкастик студенческого облика, — загрузить печь рудой и известняком не ровно и гладко, а волнистой поверхностью — площадь увеличится вдвое, а с нею и восприятие тепла». Очень приглянулся юноша Михаилу. «Да, сказал он себе, надо учиться. Пойду на рабфак в горный».

Армия. Война.

Не судьба. Учиться в горном не привелось. С командой мартеновцев наш слесарь ушел в РККА. На призывном пункте вручили им знамя. В части разведенные по подразделениям бойцы смущались: а знамя кому? Командир успокоил: «Флаг ММК будет переходящим за строевую и политическую подготовку». Личный состав 589 с. п. был из магнитогорцев, таким стало его имя. В 1940 году на его базе сформировалась 10-я воздушно-десантная бригада, дислоцированная в Даугавпилсе (Латвия). Командир, полковник Гурьев Степан Филиппович, слуга Отчества и отец солдатский, участник боев на Халхин-Голе, отмечен орденом Монголии. Как воспитатель, для Михаила он — в одном ряду с отчимом и дядей. Предельно требователен и уважителен. О войне Семенчик говорит по-народному коротко, когда смысл угадывается по голосу, глуховатому тенору, от велегого звучания переходящему в конце оборота речи к твердой степени жесткости. Начал службу солдатом в ботинках с обмотками, кончил в погонах капитана в должности батальонного комиссара.

Магнитогорское землячество крепили отличные люди: майор Нечаев — нач. штаба, затем комбат парашютистов, пропал без вести вместе с бойцами в июле 41-го; Яша Колганов — секретарь полкового партбюро, убит литовскими националистами; Зотов — интендант II ранга, помощник командира полка по тылу; Тюрин — техник-интендант I ранга, нач. обозно-вещевого снабжения, до войны начальник складского хозяйства ММК и многие другие, кто создавал устойчивое впечатление, что Магнитка всегда оставалась с ними.

Тяжкий 41-й стал наукой ненависти. Враг, сильный и наглый, бесчинствовал. Танки утюжили шоссе и лесные просеки. Один из таких

